

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ В ДИСЦИПЛИНАХ ДОКУМЕНТАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ЦИКЛА: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Е.А. Плешкевич

Посвящена проблемам развития теоретических концепции документального характера в дисциплинах документального цикла. Анализируются научные принципы и перспективы дальнейшего научного развития.

Ключевые слова: документ, документальная информация, документальный подход, теория документа.

Dedicated to problems of development theoretical current conceptions in different branches of Document science. Analysed scientific principles and perspectives of development common theory of document.

Развитие информационного общества, форм и средств получения, переработки, хранения и использования документальной информации привело к формированию целого цикла научных дисциплин, объединенных общим названием *документальная информация*. Основу цикла составляют дисциплины, исследующие информационную деятельность, в основе которой лежат различные документные формы. В первую очередь к ним относятся архивоведение, библиографоведение, библиотековедение, документалистика, документоведение, книговедение, а также ряд направлений социальной информатики. Объединение данных дисциплин в структуре документальной науки^{*} позволяет комплексно рассматривать проблемы развития данных научных дисциплин и формирования их теоретико-методологических аспектов. По классификатору России они отнесены к техническим наукам,^{**} однако мы полагаем, что в большей степени данные дисциплины соответствуют информационно-документальным наукам.

Как видно из названия научного направления, объединительным началом выступают понятия *информация* и *документ*, носящие универсальный характер и выступающие

^{*} В настоящее время в литературе используются два варианта обозначения данного научного направления – *документальная* и *документационная*. Мы полагаем, что термин *документационный* связан с документальными явлениями, которые в прикладной области определяются как документы и документация. В первую очередь это касается оперативных и архивных документов. Термин *документальный* шире и охватывает так же те явления, которые в прикладных направлениях имеют иное обозначение, но обладают документным статусом. Таким образом, в рамках данной статьи мы будем придерживаться термина *документальный*, поскольку полагаем, что он шире и в большей степени соответствует содержанию данного исследования.

^{**} В паспорте научных специальностей данным дисциплинам присвоен шифр 05.25.00 – документальная информация, они отнесены к техническим наукам

базовыми для указанного научного направления. Таким образом, выявление проблем, связанных с формированием документально-информационной теории, актуально.

Теория, будучи наиболее сложной формой выражения научных знаний, возникает лишь на достаточно высокой ступени развития познания определенной совокупности явлений и включает в себя целый ряд элементов, представляющих собой простые формы выражения знаний.

Первоначально формируются теоретические основы и концепции, которые впоследствии кристаллизуются в форме локальных (частных), а потом и обобщающих теорий. Этот этап мы определяем как *классический*. Он характеризуется локальностью теоретических конструкций, которые, по сути, строятся на выделении и анализе доминирующих для документных форм определенного типа функций. Для управленческого документоведения в качестве таковой рассматривалась управленческая функция, для правоведения – правовая, для библиотечно-книговедческих дисциплин – культурная, для информатики и документалистики – информационная, для исторической науки – функция исторического источника. Данные теории и концепции по существу не пересекались и развивались самостоятельно. Эмпирической базой локальных теорий, в основном в классический период, выступали методика и практика работы с теми или иными видами и формами документов. «История библиографии, – отмечал Б.А. Семеновкер, – в очень большой степени история методических решений. Теория библиографии, может быть, в большей степени есть обобщение этих методических решений. Развитие современной теории в значительной мере основано на изучении методики, в том числе современной, и, в конечном счете, ведет к созданию банка методических решений [1, 54]». Такое понимание теории существенно ограничивает возможности теоретического исследования по другим ее направлениям. В частности, это относится к построению терминологического аппарата, выявлению закономерностей, объяснительной и прогностической функциям и, в конечном счете, к самой возможности познания сущности явления документированной информации.

С начала 1990-х гг. в той или иной степени в науках документально-информационного цикла наступает осознание кризиса методологических основ классического этапа. С чем это связано? Нам представляется, что с существенными изменениями в практической области. В первую очередь они связаны с активным внедрением новых информационных технологий, построенных на использовании компьютерной техники и стирающих традиционные грани формальных различий. Как справедливо заметил Р.С. Гиляревский, новые информационные технологии просто «взрывают» многие наши представления [2, 52-53]. Объяснить их в рамках классического этапа не представлялось возможным.

Выход из кризиса стал намечаться в результате смены классической на постклассическую концепцию развития дисциплин документально-информационного цикла. В качестве *первой черты* постклассического этапа можно выделить эволюцию методологии эмпирических локальных теорий в направлении методологии информационного подхода.

Первыми документально-информационными теориями и концепциями постклассического характера стали в 1970-х гг. документографическая концепция библиографии О.П. Коршунова [3], теория ретроспективной документной информации В.Н. Автократова [4-5].

Заслуга О.П. Коршунова, – отмечал И.Е. Баренбаум, – усматривается главным образом в том, что его исследование и концепция отличаются единством методологического документографического системнодеятельного подхода, что привело к своеобразной «революции» в области библиографии: на смену традиционному (так сказать «мануфактурному») периоду пришел новый, соответствующий современному системному электронно-компьютерному мышлению.* Те же оценки прозвучали и в отношении архивоведения. Становление архивоведения как прикладной дисциплины, которая находится на стыке информатики и истории, и преобразование в этой связи архивоведческого знания в целом свидетельствует о том, отмечали авторы, что одна из самых старых по возрасту наук переживает ныне свое второе рождение [7, 8].

В постклассическом развитии был проделан большой и сложный путь. В 1980-х гг. документальный подход лег в основу 4-х элементной концепции библиотеки, разработанной Ю.Н. Столяровым [8]. В 1990-х гг. были разработаны: В.А. Фокеевым [9-10] – идеодокументографическая концепция библиографии, Г.Ф. Гордукаловой [11] – теория документальных потоков, С.Г. Кулешовым [12-13] – типологическая концепция научных документов.

В методологическом плане на начальном этапе наблюдался прямой перенос информационно-документальных понятий в библиотечно-библиографическую науку. На втором этапе началась разработка собственной интерпретации информационно-документальных понятий, основанных на специфике документальной деятельности в конкретной области. Значительный вклад в это внесли А.В. Соколов [14], Ю.Н. Столяров [15-17], Р.С. Гиляревский [18-20], Ю.А. Шрейдер [21-25] и др.

Второй чертой постклассического этапа стало взаимопроникновение, явление синтеза теоретических положений, разработанных локально, а также накопленных в практической

* Справедливости ради нужно отметить, что Баренбаум связывал свое высказыванием не только с работами О.П. Коршунова, но и с работами А.И. Барсука, отличающимися единством книговедческого методологического подхода, однако, мы полагаем, что это не меняет сути его высказывания [6].

области, и, как следствие, создание общих теорий, первые из которых появились на рубеже веков [26-30].

Кроме этого начался пересмотр концепций уже сложившихся дисциплин, их дрейф в сторону информатики. Так, например, архивоведение было определено как прикладная научная дисциплина, лежащая на стыке традиционных исторических и современных информационных и социологических дисциплин [7]. Наряду с архивоведением к дисциплинам документальной направленности авторы отнесли также документоведение, библиотековедение, книговедение. Было отмечено, что все они исследуют определенные системы информационных коммуникаций, действующие в современном обществе, и для решения своих проблем используют понятия и методы информатики [7, 1].

Основанием, позволяющим говорить о методологическом единстве и синтезе, выступают научные принципы как наиболее общие законы для данной науки. Под принципом в теории познания понимают основополагающее первоначало, исходный пункт какой-либо концепции, то, что лежит в основе определенной совокупности знаний [31, 10]. Научный принцип имеет синтезирующее значение, выступает объединительным началом, благодаря которому сумма накопленных эмпирических знаний трансформируется в единую теорию. Считается, что формирование теории, по существу, происходит только после того, как найден принцип, составляющий ее основу, а весь предыдущий период исследования является подготовительным, в ходе которого создается указанный принцип.

Обобщающие принципы документальной интерпретации до сих пор не получили оформления и подразумевались на некоем интуитивном уровне. В ряде научных дисциплин документально-информационного цикла теоретические построения опирались на общенаучные принципы. Так, В.Н. Автократов при разработке теории архивоведения считал, что она должна опираться на принципы научной объективности, партийности и историзма [32, 78-79; 98]. Что касается принципа научной объективности, то это общенаучный принцип, свойственный науке как таковой, принцип историзма – это принцип исторической науки, направленный на изучение явления в его развитии.

В некоторых других дисциплинах был сформулирован ряд локальных принципов. В качестве примера можно привести книговедение, где известным теоретиком книги А.А. Гречихиным были сформулированы универсальные принципы типологии книги [33]. Это принцип коммуникативности, который обуславливал необходимость рассмотрения книги как средства социальной информационной коммуникации, и принцип деятельности, означающий тот факт, что книга выступает как результат общественной деятельности и предназначена для обслуживания ее потребностей. Сегодня Г.Н. Швецова-Водка

конкретизировала принципы типологии, обозначив их как социально-коммуникационно-информационный и деятельностный подходы [29, 317].

Мы предлагаем выделить следующие принципы. В основе *первого принципа* лежит тезис о том, что документальная деятельность является составляющей частью информационной деятельности, возникшей на определенном этапе развития общества, и направленная на удовлетворения его информационных потребностей. Мы полагаем, что он вытекает из более широкого и универсального принципа, который мы формулируем как принцип «информатизации», связывающий эволюционные процессы в природе и обществе с эволюцией информационных процессов и деятельности.

Следуя этому принципу, можно отметить, что сущность документальных явлений может быть раскрыта на основе анализа информационной природы всех ее составляющих. Это касается не только технических, но и социокультурных аспектов, поскольку документ в этом аспекте связан, в первую очередь, с информационной культурой как составным элементом культуры вообще.

Из данного принципа вытекает также понимание документальной деятельности как определенного этапа в истории информатизации.^{*} Ее возникновение можно назвать реакцией на рост информационных потребностей в связи с усложнением информационной деятельности. Иными словами, она возникает в тот момент, когда иные формы информационно-коммуникационной деятельности не справляются с возрастающим объемом социальной информации, необходимым для поддержания общественного развития, тогда, когда они исчерпали свой информационный потенциал и требуется разработка новых. Что может выступать предпосылками новых форм? В первую очередь, технические изобретения, а также правила и формы информационной деятельности. Именно они выступают тем строительным материалом, из которого возводят новое информационное «здание». Из этого также следует, что увеличение объемов социальной информации и информационных технологий ведет в конечном итоге к возникновению новых постдокументальных форм информационной деятельности.

Ко *второму принципу*, вытекающему из первого, можно отнести системность документально-информационных коммуникаций. «На определенном уровне организации, – писал Л.А. Петрушенко, – система превращается в информационную систему, т.е. в систему,

* Под информатизацией мы предлагаем понимать информационную деятельность, направленную на формирование информационных ресурсов и разработку технологий по их использованию. Сегодня процесс информатизации принято связывать с современными достижениями в области информационной техники. Мы полагаем, что процесс информатизации сопровождал человека на всех этапах его социального развития. Исторический опыт показывает, – отмечает Г.В. Можяева, – что общественное развитие невозможно вне информации и каналов ее распространения [34, 73]. Социальным продуктом информатизации выступает информационная среда как социальное пространство, обеспечивающее создание и использование информационных ресурсов.

способную к использованию информации (...) [35, 109]». Усложнение информационного пространства, формируемого информационной деятельностью, ведет к возникновению специальных информационных систем. Данный принцип связан также с принципом информатики, согласно которому, получение необходимой информации требует усилий по созданию метаинформации [36, 103]. В данном контексте метаинформация – это информация об информационной системе. Что явилось основанием для возникновения документальных систем и их дифференциации?

Основанием для возникновения документальных систем стали изменения в организации коммуникационных процессов. Мы полагаем, что эволюция информационной деятельности включает досистемный, системный и постсистемный этапы. Документ в данном контексте определяется как форма системного сигнала, возникшая соответственно на втором, системном этапе. Именно на основе этого принципа происходит коммуникативная дифференциация социальных документальных коммуникаций на протодокументные, документные и постдокументные.

Важным аспектом системного принципа выступает искусственность документально-информационных систем, и, соответственно, те закономерности, которые выявляются в их функционировании, тесно взаимосвязаны с теми условиями, которые определяют функционирование данной системы. Устойчивость режима функционирования архивной службы в СССР в течение последних десятилетий, отмечали архивисты в середине 1980-х гг., привела к тому, что в ней начал действовать закон Ципфа [7, 4]. Иными словами, документальные закономерности, в отличие от физико-химических или биологических закономерностей, являясь производными от состояния системы, соответственно, изменяются вместе с ней и носят локальное значение.

Основанием для отраслевой дифференциации документальных систем стали свойства информации. Исходя из прагматического свойства информации, заключающегося в ее способности удовлетворять информационные потребности, ее можно разделить на два основных вида – актуализованную и неактуализованную. Актуализация как свойство информации – это ее способность к удовлетворению существующих информационных потребностей в процессе информационной деятельности. Неактуализованная информация – это информация, не удовлетворяющая существующие информационные потребности, но способная их удовлетворить, если они возникнут, т.е. обладающая только потенциальной ценностью. Актуализация может носить срочный или бессрочный характер. Срочность характерна для оперативной информационной деятельности, обеспечивающей текущее социально-экономическое управление. Бессрочность актуализованной информации возникает в результате целенаправленной информационной деятельности, направленной на,

так сказать, «глубокую» обработку либо ее семантического аспекта, в ходе которого появляется информация-знание, либо синтаксического аспекта – структурной информации, определяемой нами как «художественное слово» или творчество.

Таким образом, можно выделить следующие информационные и, соответственно, документальные системы. Во-первых, информационную систему, обеспечивающую оперативное социально-экономическое управление, чья актуализация связана с обеспечением социальных процессов и носит в целом кратковременный характер. Она реализуется в ходе оперативного управления и через него. Во-вторых, информационную систему, где информация находится в состоянии постоянной актуализации. Эту систему мы предложили назвать *диахронной*, придав данному термину новое информационное значение.[•] Основным социальным институтом, организующим и управляющим диахронной системой, выступает библиотека. В-третьих, информационную систему, аккумулирующую потенциальную информацию и определяемую как ретроспективную или архивную.^{••} Социальным институтом выступает архив.

Вторым элементом теоретического познания являются универсалии как фундаментальные понятия, единые для всего комплекса документально-информационных дисциплин. Такими универсальными понятиями выступают понятия *документ* и *документальная информация*.

Универсальность понятия документа была наиболее четко сформулирована М.Я. Дворкиной, которая отметили, что «документ – общий объект библиотечной, библиографической и книготорговой деятельности, библиотековедения, документоведения, библиографоведения; документ как книга объединяет библиотековедение и книговедение; содержание документа – информация определяет отнесение библиотековедения к информационным наукам ⟨...⟩ [38, 39]». Универсальный характер понятия предполагает его глубокую теоретическую проработку, направленную на выделение тех специфических черт, которые свойственны всем его формам и тех, которые уникальны в каждой из них.

Традиционно основным методическим приемом рассмотрения понятия *документ* выступает разделение понятия на документ в «узком» и «широком» смысле. Понятие в «узком» смысле рождается в практике путем описания объекта конкретной деятельности,

[•] Традиционно термины *синхронный* и *диахронный* используются как временные характеристики одновременности и разновременности физических процессов. Мы предлагаем в информационном контексте связать оперативность со срочностью, а диахронность – с бессрочностью актуализованного состояния информации, обеспечивающей социальные процессы.

^{••} Согласно предлагаемой В.Н.Автократовым информационной концепции, объектом архивоведения признается документная ретроспективная информация в ее исторически сложившихся связях, которую в свете современных научных представлений нужно понимать как такую информацию, которая, потеряв присущие ей прежде (в сфере управления) черты свободной информации, сохранила потенциальную возможность актуализоваться [37, 16].

данное определение назовем эмпирическим. Широкое понимание направлено на упрощение эмпирического понятия, на его размежевание со сложившимся бытовым восприятием. Очевидно, что широта определения – понятие условное. «Широким» можно считать такое определение, которое учитывает специфические черты двух и более эмпирических определений, либо базируется на характеристике (свойстве) объекта, присущего разным его видам, и поэтому являющегося для них обобщающим. «Широкие» определения формулируются на первоначальном этапе теоретического изучения объекта в ходе обобщения знаний об объекте, уже накопленных в различных дисциплинах и областях практической деятельности. Следующим шагом является формулирование теоретических определений, под которыми мы предлагаем понимать такие определения, которые хотя и строятся, в конечном счете, на эмпирической основе, но всё же содержат в себе элементы, полученные в ходе теоретических исследований, выводя объект за узкие рамки эмпиризма. Иными словами, теоретическое определение направлено на раскрытие сущности документа как идеализированного объекта.

Спецификой конструирования понятия *документ* в локальных теориях и концепциях выступает то, что они ориентированы на практическую область деятельности. При этом рассматривается не весь массив документов, а лишь определенного вида и отраслевой направленности. Для того, чтобы размежевать теоретическое и эмпирические понятия *документ*, мы предлагаем теоретический контекст оставить за термином *документ*, а эмпирические понятия конструировать на основе указания системы. Так, в самом общем смысле мы можем выделить термины *оперативный*, *ретроспективный* и *диахронный* документы.

Что касается понятия *документальная информация*, то, мы полагаем, что оно охватывает ту часть информации, которая посредством документирования прошла информационную обработку. Причем документирование, как информационная технология, включает два этапа. На первом этапе происходит составление сообщения и его фиксация с помощью материально-энергетических технологий, на втором этапе происходит включение данного сообщения в документально-информационную систему. Исходя из наличия трех документально-информационных систем, можно говорить об оперативном, ретроспективном и диахронном документировании.

Важным аспектом формирования документных концепций и теорий выступает выявление закономерностей их соотнесения с предшествующими и последующими теориями, а также с формируемыми в смежных областях. Лучший удел физической теории, – писал А. Эйнштейн, – состоит в том, чтобы указывать путь создания новой, более общей теории, в рамках которой она сама остается предельным случаем [39, 204]». Нам

представляется такой подход справедливым как для документных теорий, так и для самого понятия *документ*, где каждое предлагаемое понятие или концепция документа являются предельным случаем теоретического общего понятия *документ*.

Каковы механизмы теоретического синтеза в дисциплинах документально-информационного цикла? По-видимому, он будет носить многоступенчатый характер. Что касается библиотечно-книговедческих дисциплин, то, вероятно, стоит говорить о создании на первом этапе единой теории в рамках основных направлений: книговедения, библиотековедения, библиографии. В свое время Ю.А.Шрейдер говорил о библиотечно-библиографической парадигме [40, 39]. Второй этап – это формирование вместе с архивоведением, документоведением, научно-информационной деятельностью единого теоретического пространства. Его основу, мы полагаем, должны составлять общая теория документальных коммуникаций и документа.

Сегодня этот вопрос находится в стадии решения. Теория документальных коммуникаций, рассматриваемая в контексте социальных коммуникаций, разрабатывается в работах А.В.Соколова [41-43]. Вопросы, относящиеся к общей теории документа, разрабатываются Ю.Н.Столяровым [44-47], Г.Н.Швецовой-Водкой [29] и рядом других ученых. Комплексно вопрос общей теории документа был поставлен автором данной статьи [30]. Как показывает анализ хода разработки, важным моментом выступает выделение проблем, составляющих основу общей теории. Мы полагаем, что понятие *общая* свидетельствует о том, что она должна анализировать общие для всех научных дисциплин документально-информационного цикла, имеющие ключевое значение, сюжеты. Данный подход является общим для множества научных дисциплин. Так, в физике было отмечено, что «перед теорией никогда не ставится задача дать объяснение всего огромного многообразия известных нам индивидуальных физических явлений, могущих быть отнесенными к ее компетенции. Она объясняет только те, которые имеют либо принципиальное познавательное значение, либо важны для практических применений, технического использования [48]».

Существенным результатом развития теории является определение документально-информационной науки, под которой есть основания понимать научное направление, изучающее социальную информационную деятельность во всем многообразии документных форм и технологий, и основанное на методологии документного подхода (парадигмы).

Важным признаком теоретического знания выступает выявление закономерностей процессов, составляющих сущность явления. И в этом аспекте закономерности могут быть выявлены, в первую очередь, на теоретическом, идеализированном понимании документа.

Одной из функций теории выступает ее способность к объяснению эмпирических фактов документной реальности. Наиболее важной в этом аспекте является проблема эволюции документной деятельности, иными словами, построение схем развития информационно-документальной деятельности. До сих пор отправными точками построения подобной схемы выступали либо изобретения, носящие революционный характер, такие как изобретения языка, письменности, книгопечатания, компьютера, либо эволюция носителя информации. Так, например, А.Д. Урсул предлагал выделить добумажный, бумажный и безбумажный периоды в развитии информатики [49, 6].

Данная проблема связана с ответами на следующие вопросы. Что стало началом социальной информационно-документационной деятельности и, соответственно, откуда вести отсчет. Во-вторых, это поиск основания для выделения тех или иных периодов. Что касается ответа на первый вопрос, то, по-видимому, ее начало уходит в доисторическое прошлое и связано с возникновением человека как особого типа организации. Что касается оснований, то они, безусловно, должны быть связаны с периодизацией информационной деятельности. До настоящего времени в качестве отправных точек брались так называемые «информационные революции», связанные с изобретением членораздельной речи, письменности, компьютерной техники.

Мы полагаем, что изобретение членораздельной речи связано с эволюционными изменениями анатомии речевого аппарата человека и это, так сказать, эволюционный биологический период.

Что касается исторического периода, который носит социальный характер, то мы полагаем, что периодизация, во-первых, должна быть более детальной, и, во-вторых, связана не с техническими изобретениями, а с уровнем информации, которую общество способно аккумулировать и обрабатывать. Можно выделить этап, при котором общество аккумулировало и использовало информацию, находящуюся в актуализованном состоянии, т.е. постоянно востребованную. Ее объемы не превышают объемы памяти членов общества. Это не означает, что данному обществу незнакома письменность, это лишь означает то, что оно не начало ее использовать для фиксации информации диахронного характера, либо использование письменности с этой целью носит спорадический характер.

В следующий период объемы информации необходимые для развития общества, начинают превышать физиологические возможности памяти. Для хранения и использования актуализованной информации начинают создаваться первые специализированные информационные институты – библиотеки и депозитарные архивы.

На следующем этапе развития общества, помимо актуализованной информации, начинает аккумулировать информацию, имеющую потенциальную ценность, иными

словами, начинают создаваться информационные ресурсы. Это период создания архивов как информационных институтов по хранению и использованию информации, обладающей потенциальной ценностью.

Нам представляется, что сейчас мы стоим перед фактом, что форма и организация носителя информации не могут выступать основанием для их дифференциации. Единственным признаком, сохраняющим стабильность в условиях электронного информационного пространства, может выступать информационный признак, лежащий в основе формирования трех основных социальных информационных институтов. В рамках книговедения и библиотечно-библиографической науки в качестве критерия идентификации объекта исследования сегодня выступают не конкретные документы, связанные преимущественно с формой и конструкцией материального носителя, а сущностные свойства информации, содержащиеся в них и позволяющие ее идентифицировать в качестве диахронной информации. «Библиотека или медиатека? – задает риторический вопрос Р.С. Гиляревский. С какими видами электронных изданий должна работать библиотека, со всеми или с некоторыми [19, 259]?». Мы полагаем, что со всеми видами, содержащими информацию, обладающую качеством бессрочности. То же самое касается и книговедения. Важным методологическим вопросом, ждущим своего решения на теоретическом уровне, является вопрос относительно не только статуса «электронной книги». Проблема стоит гораздо шире, – это теоретическое обоснование всех форм, содержащих информацию, идентичную той, которая была традиционно представлена книжной формой. Иначе говоря, в поле зрения книговедов должна находиться не только книжная форма романа Л.Н.Толстого «Война и мир», но и другие формы ее представления: так называемая аудиоформа (аудиокнига), ее гипертекстовое представление, а может быть даже экранизированная и иные возможные формы. Новые факторы документальной реальности выносят на повестку дня вопросы, связанные с новыми формами восприятия информации и ее организации. Если до этого шла речь об управлении чтением, то сегодня мы должны ставить вопрос об управлении аудиовизуальным восприятием, от линейного текста мы переходим к гипертексту, от библиографии печатных форм мы должны переходить к библиографии аудиовизуальных форм представления. Готовы ли дисциплины документально-информационного цикла к этому вызову. Что касается документов в традиционной форме на бумажном носителе, то они, безусловно, не исчезнут, найдя в новом информационном пространстве свою уникальную нишу.

Другой важной теоретической проблемой выступает незначительная глубина собственно библиотечно-книговедческих и документоведческих разработок в области теории документальной информации. В большинстве случаев авторы дают обзор сложившимся в

теории информации подходам к трактовке понятия *документ*, не разрабатывая собственных теоретических конструкций, используя при этом методологические установки, полученные на принципиально иной эмпирической основе информатики и документалистики. Данное явление получило название *документоцентризм* [9, 102] и вызвало критику по ряду направлений.

Во-первых, это адекватность использования понятия «документ» в библиотечно-библиографической теории. Наиболее рельефно этот аспект проявился в теоретических работах О.П. Коршунова и Ю.Н. Столярова [50-51; 8], активно внедряющих новое понятие. Главное отличие и, несомненно, прогрессивная новация О.П. Коршунова состоит в том, – отмечают А.Н. Ванеев и В.А. Минкина, – что он в качестве объекта библиографической деятельности видит не книгу (произведение письменности и печати), а документ [52, 19]. Примерно, на тех же позициях находился в начале 1980-х гг. Ю.Н. Столяров. «По нашему мнению, – пишет он, – правильней пользоваться термином *документ*. Он передает смысл понятия, и, кроме того, уже вошел в научный обиход в более широком значении, чем *книга* [8, 69]».

Таким образом, введя новое ключевое понятие, они предложили строить теорию библиографии и библиотековедения на новом не «книжном», а «документном» теоретическом фундаменте. Каковы же причины, побудившие их к этому решению? В одной из своих работ О.П. Коршунов обосновывает свой шаг «интересами терминологической точности [51, 33]». Безусловно, подобный довод не мог не вызвать поток критики.

В ответ на него Коршунов отмечает, что «для того, чтобы при оценке возникшей вокруг *документа* терминологической ситуации стать на действительно научную (логическую) точку зрения, надо прежде всего уяснить, что речь идет о предельно широком, абстрактном понятии, содержание которого сводится лишь к тому, что имеется некоторая социальная информация, зафиксированная на некотором материальном носителе в целях ее хранения и распространения [51, 162]». Вполне очевидно, что аргументы типа «терминологической целесообразности», «широты термина, его популярности» и им подобные являются явно недостаточными для столь существенных теоретико-понятийных, а не терминологических изменений. «Зачем нужно было О.П. Коршунову понятие документ, – спрашивает Э.К. Беспалова, – чтобы украсить теорию будоражащими воображение библиографа трамвайными билетами, марками, денежными знаками, официальными бланками, надписями на могильных плитах, наконец? [53, 25]». И если иметь в виду только «терминологическую целесообразность», то она права. Можно также согласиться с замечанием А.И. Барсука о том, что «утверждать, что объектом той или иной конкретной отрасли является «документ вообще» – это сказать одновременно и неоправданно много, и в то же время явно

недостаточно [54, 38]». И в этом контексте заявления В.М. Тютюнника о теоретическом «документном» тупике не кажутся ошибочными [55, 36].

Итогом документоцентризма, в конечном счете, стало противопоставление понятий *документ* и *информация* и предложение перейти от документной парадигмы к информационной парадигме, опирающейся на понятие *публикация*^{*}. Документная парадигма, при всей ее значимости, до поры до времени, – отмечает В.М. Тютюнник, – перекрывала путь информационной парадигме [55, 36]. Между сторонниками различных подходов возникла ожесточенная дискуссия. Имеет ли эта дискуссия методологическое значение? В том плане, что необходимо перейти от терминологической целесообразности к выявлению сущностных аспектов понятия *документ*, то конечно имеет. Можно согласиться с замечаниями Ю.Н. Столярова, что, если не утруждать себя углубленным изучением сущности информации и документа, *информационная парадигма* не будет существовать [17, 23].

Во-вторых, это проблема соотнесения теоретических конструкций, построенных на подобном понимании документа и библиотечно-библиографической практики. В справочном пособии по библиографии, опирающемся на широкое понимание *документа*^{*} не представлена методика библиографического описания произведений живописи и графики, археологических артефактов, ботанических гербариев и т.п. Почему? Нам представляется, что ответ кроется в отрыве документного подхода от библиографической практики. Очевидно, что с математической и кибернетической точки зрения, ботанический гербарий и археологические артефакты содержат информацию. Но вот с точки зрения библиографии сегодня нет потребности (вероятно, и не будет) для составления их библиографического описания, а, следовательно, необходимы другие основания для определения документа как объекта библиографической теории.

В-третьих, это проблема статуса понятия *документ*. Ю.Н. Столяров делает акцент на его относительности [47]. Совершенно верно предлагая перейти к комплексу взаимосвязанных определений документа, который бы включал общие и частные его определения, он связывает сущностное определение с единственным критерием – наличием информации, не уточняя при этом, что это за информация. «Если нужную информацию – пишет он, – может предоставить антилопа в саванне, камень в реке и звезда в небе, то в этот момент и для этих целей они представляют собой документы. Если же в информационном отношении

* Информационная парадигма представлена в работах В.В. Скворцова [56].

* Авторы пособия А.Н. Ванеев и В.А. Минкина под документом предложили понимать «любую социальную информацию, зафиксированную человеком на любом материальном носителе в целях ее хранения, распространения и использования». Таким образом, – делают выводы они, – библиография выводится за пределы книжного дела и распространяется на музейные экспонаты, произведения живописи и графики, археологические артефакты, ботанические гербарии и т.д., ибо все они представляют собой материальные носители, на которых зафиксирована социальная информация [52, 19].

перечисленные объекты интереса для субъектов не имеют, то и документами для этих субъектов они не являются [47, 77]». Нам представляется, что в данном контексте уместней говорить не о понятии *документ*, а понятии *источник информации*, которое, является условным. Так, например, историческим источником может быть все то, что содержит в себе историческую информацию и может быть использовано в процессе изучения. Ю.Н. Столяров, обосновывая предлагаемое им определение, ссылается на два основных момента. Во-первых, на этимологию термина *документ*, один из вариантов которого в переводе с латинского означает *доказательство*. Использование документа в качестве доказательства чего-либо, конечно, условно. Но при этом свидетель как доказательство, так же условен и эту условность выступать в качестве доказательства призван решить суд и присяжные. Вопрос в другом – можем ли мы эту условность распространить на понятия *человека* и *документа*, если они в роли доказательства чего-либо условны? Нам представляется, что в такой интерпретации нет.

Во-вторых, он отмечает, что предлагаемое им определение документа это всего лишь парафраз понятия, предлагаемого международной организацией по стандартизации.* Не комментируя точность перевода определения, мы полагаем, что существенным его элементом является указанный в определении документационный процесс, в структуре которого и возникает феномен документа. И в этом аспекте важен ответ на вопрос о том, кто является генератором документационного процесса, иными словами кто автор информации, которую передают в документной форме и той самой документной формы. В случае с антилопой это могут быть либо ее родители, такие же антилопы, либо господь бог. Любой из предложенных ответов вряд удовлетворит теоретиков документально-информационного цикла, которые по меткому выражению Ю.Н. Столярова блуждают в трех «документологических соснах», а практиках – мы уже не говорим. Мы полагаем, что документ это не относительное, а сущностное понятие, который создается сразу как документ, а не становится им в силу каких-то обстоятельств.

Резюмируя вышесказанное мы считаем, что документные или информационные подходы, теории и концепции, так сказать, в «чистом виде», разработанные в информатике и философии, могут играть, образно говоря, роль «прелюдии» к собственно документально-информационным теориям и подходам. Для данного цикла документально-информационный подход должен включать автора, генерирующего информацию в виде сообщения и документировавшего его, информационно-документальную систему, в рамках которой документ выполняет возложенные на него функции, читателя (потребитель, абонент),

* Документ – записанная информация или материальный объект, которые могут расцениваться как единица документационного процесса (ИСО 5127-2001) [47, 77].

который идентифицирует его статус и декодирует (читает) его. Если данному тезису придать вид схемы, то в самом общем плане он будет выглядеть следующим образом:

*Автор – сообщение – документ –
информационно-документальная система – потребитель
(А-С-Д-ИДС-П)*

В противном случае мы можем столкнуться не с объяснением, а с искажением фактов документальной реальности. В качестве иллюстрации, мы считаем уместным сослаться на позицию Н.А. Слядневой, которая считала, что подлинной метасистемой, из которой необходимо воспроизводить библиографию, следует считать не документальные коммуникации, а информационные процессы общества, представляющие единство производства и потребления информации [57].

Поэтому ближайшей задачей, решение которой позволит выйти на качественно новый научный уровень, является не отстаивание какого-либо одного подхода, а дальнейшая разработка комплексного документально-информационного подхода, основанного на теории социальных коммуникаций и собственном осмыслении понятия *документ*.

В связи с разработкой документально-информационной парадигмы встает вопрос о том, исчезнет ли термин *книга*, будет ли он вытеснен пусть специальным, но все же документальным термином *диахронный документ*, вопрос далеко не простой. Нам представляется, что оба термина могут сосуществовать, дополняя друг друга. Там, где речь идет об общих вопросах, связанных с явлением документирования, документными системами и классификационными схемами, корректен термин *диахронный документ*. Если же исследователя интересуют проблемы, носящие внутренний для диахронной информационной системы характер, такие как культурологические и исторические аспекты книги, проблемы книготорговли * и ряд других – термину *книга*, считаем мы, замены нет. То же касается соотношения терминов *читатель* и *потребитель*. Там, где речь идет об информации и информационных ресурсах, о взаимодействии общества и информационных систем, термин *потребление* в большей степени соответствует рассматриваемой ситуации, чем термин *читатель*, и наоборот, если мы рассматриваем практические аспекты и используем термин *книга*, то термин *читатель* будет выглядеть более адекватным.

Важной проблемой дисциплин документально-информационного цикла является организация их институционального развития, особенно теоретической компоненты. Этот вопрос включает два аспекта: во-первых, это институциональное оформление

* Как отмечал А.И.Барсук, что именно практики книжного дела (библиотекари, работники книготорговых, редакционно-издательских служб, библиофилы и библиографы) с самого начала решительно возражали против провозглашения «документов» и «потребителей информации» объектами их деятельности [54, 37].

документально-информационной науки и, во-вторых, это теоретические исследования документально-информационной направленности в уже сложившихся прикладных направлениях.

Один из ведущих теоретиков Ю.Н. Столяров предлагает «революционный» способ институционального оформления теоретических исследований в виде выделения в качестве самостоятельной дисциплины «документологии» или «общего документоведения» [57-59]. Мы полагаем, что «революционный» способ институционального закрепление теоретических исследований за отдельной дисциплиной вряд ли позитивно повлияет на сложившуюся ситуацию. Более продуктивным, на наш взгляд, является эволюционный способ накопления теоретических знаний, и только лишь после этого институциональное оформление. Этот пример характерен в целом для развития науки. Например, экономическая теория была выделена в качестве самостоятельного направления лишь при достижении определенного уровня развития как локальных, так и общих теорий. Существенной предпосылкой для институционального оформления выступает наличие локальных документальных теорий и концепций во всех дисциплинах данного цикла. На сегодняшний день в таких базовых дисциплинах, как книговедение и документоведение и, отчасти, архивоведение, теоретический уровень, позволяющий общетеоретической дисциплине институционально оформиться и развиваться как самостоятельной, еще не достигнут. В этой ситуации институциональное выделение грозит не только разрывом теории и практики, но и серьезными конфликтами в ученой среде, и, как следствие, гибелью направления, что вообще не раз подтверждала история науки.

Что касается второго аспекта, то ситуация в библиотечно-библиографических и книговедческих дисциплинах (шифр специальности 05.25.03) и архивно-документоведческих дисциплинах (шифр специальности 05.25.02), складывается по-разному. В дисциплинах, объединенных шифром 05.25.03, как видно из проведенного анализа, идет формирование единого информационно-документального библиотечно-библиографического теоретического пространства. Некоторое отставание в этом плане наблюдается в развитии документально-информационной теории книги, где сегодня книгу продолжают рассматривать преимущественно в ее традиционной форме, а книговедение – в сугубо традиционном значении [60].

В дисциплинах архивно-документоведческой направленности ситуация складывается иная. В чем причина такого отставания? В самом общем приближении нам представляется, что документоведение и архивоведение не смогли преодолеть то негативное отношение, которое сложилось в послевоенный период к собственно теоретическим исследованиям. Причем это было характерно для всех дисциплин данного цикла. Если мы обратимся к

истории библиотечно-библиографических дисциплин, то в 1950-60-х гг. к теоретическим исследованиям, основанным не на марксизме-ленинизме, относились крайне враждебно. Чего стоят только одни обвинения М.Н. Куфаева в «откровенном идеализме и антимарксистской философии, о туманных и мнимоглубоких построениях [61]». К сожалению, вектор заданный еще в тот период, стал серьезным сдерживающим фактором для документоведения и архивоведения. Так, например, фундаментальная теоретическая работа В.Н. Автокротова увидела свет после его смерти. По мнению историка-архивиста Т.И. Хорхординой, Автократов первым наметил путь к тому, чтобы покончить с самоизоляцией архивоведения в отечественной и мировой системах знания; к сожалению, отмечает она, эта заслуга ученого при его жизни не была понята и оценена в достаточной степени [62].

Еще более сложная ситуация сложилась в документоведении. Возникнув в структуре архивоведения и выдлившись в качестве прикладного направления, изучающего теорию и методiku документирования управленческих процессов, ряд ведущих исследователей осознали перспективы развития документоведения как метанауки, изучающей «запечатление реальной действительности вообще [63]». Пришедший на смену К.Г. Митяеву А.С. Малитиков предположил, что в течение ближайших 7-10 лет (начиная с 1970 гг. – *прим. Е.П.*) будет активно продолжаться процесс дальнейшего становления и самоопределения документоведения, его трансформации из области преимущественно практических знаний в достаточно самостоятельную отрасль науки, находящуюся на грани современной науки об информации и новой науки об управлении общественными процессами. Необходимым условием существования всякой самостоятельной области является наличие собственных теоретических представлений. В качестве одной из предпосылок развития собственной теории в документоведении Малитиков [64] видел необходимость расширения границ дисциплины, стремления выйти за рамки изучения и рационализации документационных процессов сферы общественного управления и распространения своих закономерностей на другие области человеческой деятельности, порождающие документы. Реализовав это, отмечает он, «documentsведение стало бы наукой об общих и частных закономерностях документирования общественных явлений и связей [64, 42]». Тем самым Малитиков одним из первых поставил вопрос об универсальности как науки о документе, так и самого документа. Однако, ученые, видимо, опередили время. Их идеи, по сути, остались не реализованными, поскольку в руководство документоведением пришли ученые, рассматривающие его как исключительно прикладную дисциплину. Сегодня ситуация в основном не изменилась. До сих пор наложено «вето» на исследование творчества

основателя документоведения К.Г. Митяева;^{*} учеными историко-архивного института РГГУ, определяющими научную политику в архивно-документоведческих дисциплинах, не выпущено ни одного учебника по документоведению, а счет научным монографиям по данной тематике идет на единицы.

Кризисную ситуацию в отечественном архивоведении Т.И. Хорхордина связывает с установлением «учрежденческого» делопроизводственного подхода, который, по ее мнению, восторжествовал, по существу, в архивоведении советского периода [65, 36]. Мы смотрим на эту ситуацию шире и считаем, что дело не столько в делопроизводственном подходе, который может существовать наравне с другими, дело в определении концепции данного цикла дисциплин, в ее идеологии, не терпящей иных подходов, а это тупиковый путь в развитии науки. О наличии острого теоретического «голода» свидетельствуют попытки отдельных ученых архивистов самостоятельно разработать или наметить разработку соответствующих теоретических направлений.^{*}

Анализ сложившейся в данном цикле дисциплин институциональной ситуации свидетельствует о том, что существенный теоретический прорыв и преодоление кризиса в них следует связывать с переходом на документально-информационную концепцию, наиболее полно раскрывающую сущность документальных фактов и явлений. А это, в свою очередь, – с приходом новых лиц в управление архивно-документоведческой наукой. В противном случае, накопившееся теоретическое отставание примет необратимый характер и, как следствие, поглощение документоведения либо архивоведением, либо дисциплинами библиотечно-библиографического цикла. Возникновение так называемой «новой версии» документоведения есть не что иное, как ответ на нежелание развивать теорию документа классическим документоведением.

Подводя предварительные итоги, нам представляется, что выявление и обсуждение проблем формирования документально-информационной науки, которая как таковая может рассматриваться преимущественно как теоретическая, в отличие от ее прикладных составляющих, является важным шагом на пути ее становления и признания научным

^{*}Чтобы не показаться голословными, приведем библиографию, посвященную трудам К.Г. Митяева: Кузин А.А., Кузнецова Т.В., Лившиц Я.З., Рудельсон К.И. Вопросы документоведения и архивоведения в трудах К.Г. Митяева (к 70-летию со дня рождения) // Сов. архивы. 1972. – №2. – С. 51-55; Зелов И.Е. Он был по духу романтиком (к 100-летию со дня рождения К.Г. Митяева) // Отеч. архивы. – 2002. – №3. – С. 121-122. Согласитесь, для основоположника целой научной дисциплины, в том числе и общего документоведения, – не густо. Нужно отдать должное украинским ученым, которые достаточно подробно изучают научное наследие Митяева. См.: Бездрабко В.В. К.Г. Митяев і становлення докуметознавства // Бібліотекознавство. Документознавство. Інформологія. – 2008. – №1. – С. 8-22.

^{*} Так, Е.В. Старостин выступает с идеей «архивологии» как дисциплины, развивающейся на стыке источниковедения, архивоведения и исторической информатики, и охватывающей проблематику документирования в самом широком контексте. Т.И. Хорхордина – говорит об «архивософии», находящейся на стыке методологии и теории науковедения, философии (культурологи) и информатики, а Савин В.А. – о «феноменологии документа», в задачу которой входит всестороннее изучение документа и т.д. [66].

сообществом. Сегодня можно говорить о начале третьего этапа, направленного на развитие и институциональное оформление документально-информационной теории, которая, как нам представляется, должна состоять из комплекса документальных теорий локального и общего характера, связанных единством научных принципов и универсалий. Что касается развития теоретических исследований не документально-информационного характера, то, по нашему мнению, они лишь расширят картину изучаемого явления. В этом аспекте можно согласиться с библиографической интерпретацией принципа дополнительности Н. Бора, предложенного Т.Ф. Лиховид и означающего, что целостная картина объекта складывается из двух или более в чем-то исключаящих друг друга описаний, каждое из которых необходимо, но недостаточно для полного раскрытия этого объекта [67, 150].

Что касается институционального оформления документально-информационной теории, то сегодня для этого больше подходят библиотечно-библиографические и книговедческие дисциплины (шифр 05.25.03), что, на наш взгляд, необходимо отразить и закрепить в паспорте научной специальности. Большое внимание должно быть уделено развитию не только общих, но и локальных документально-информационных теорий и концепций, составляющих эмпирическую основу теорий общей направленности и обеспечивающих связь теории и практики. Именно совокупность интегрированных теоретических знаний позволит раскрыть феномен документальной информации во всем ее многообразии и обеспечить поступательное развитие прикладных дисциплин данного цикла.

Использованные источники и литература

1. Семеновкер Б.А. Возвращение к тексту. Кризис или расцвет? : «Круглый стол» на тему «Современная библиографоведческая парадигма» / Б.А.Семеновкер // Сов. библиография. – 1991. – №3. – С. 54-55.
2. Гиляревский Р.С. Новая технология – обновленная теория. Кризис или расцвет? : «Круглый стол» на тему «Современная библиографоведческая парадигма» / Р.С.Гиляревский // Сов. библиография. – 1991. – №3. – С. 52-53.
3. Коршунов О.П. Исследование оснований общей теории библиографической (вторично-документальной) информации : автореф. дис. ... докт. пед. наук / О.П.Коршунов. – М., 1977.
4. Автократов В.Н. К проблеме вовлечения информационных категорий в архивоведение / В.Н.Автократов // Труды ВНИИДАД. – М., 1973. – Т. 3. – С. 251-263.
5. Автократов В.Н. Теоретические проблемы советского архивоведения : автореф. дис. ... д-ра истор. наук / В.Н.Автократов. – М., 1982.
6. Баренбаум И.Е. О соотношении теории, истории, методике и практики книжного дела (Историко-прогностический обзор) / И.Е.Баренбаум // Кн. : исслед. и материалы. – Сб. 68. – 1994. – С. 5-18.
7. Виноградов В.М. Теоретические проблемы архивоведения с точки зрения информатики / В.М. Виноградов, Н.И. Стяжкин, М.Н. Цаленко, Э.Г. Чумаченко // НТИ. Сер.1. – 1984. – №9. – С. 1-8.
8. Столяров Ю.Н. Библиотека: структурно-функциональный подход / Ю.Н.Столяров. – М. : Книга, 1981. – 255 с.
9. Фокеев В.А. Природа библиографического знания / В.А.Фокеев. – М., 1995. – 352 с.
10. Фокеев В.А. Идеодокументографическая концепция библиографии / В.А.Фокеев // Библиография. 1995. – №4. – С. – 60-70.
11. Гордукалова Г.Ф. Документальный поток в библиографической деятельности: история, теория, технология освоения : дис... д-ра пед. наук / Г.Ф.Гордукалова ; СПбГИК. – СПб., 1992.

12. Кулешов С.Г. Документальні джерела наукової інформації: поняття, типологія, історія типологічної схеми / С.Г.Кулешов. – К. : УкрІНТЕІ, 1995. – 190 с.
13. Кулешов С.Г. Типологія наукових документів: історія та сучасний стан : автореф. дис. ... док. ист. наук / С.Г.Кулешов. – К., 1997.
14. Соколов А.В. Информация: Феномен? Функция? Фикция? / А.В.Соколов // Философия науки. 1990. – №9. – С. 13-22.
15. Столяров Ю.Н. Назвался груздем – полезай в кузов, или комментарий к дискуссии об информатике / Ю.Н.Столяров // Науч. и техн. б-ки, 1991. – №4. – С. 28-32.
16. Столяров Ю.Н. Сущность информации / Ю.Н.Столяров ; Межд. академия информатизации. Отд. «Библиотекосведение»; Гос. публ. науч.-техн. б-ка России. – М., 2000. – 107 с.
17. Столяров Ю.Н. Закон документного оснащения социальных коммуникаций / Ю.Н.Столяров // Библиотекосведение. – 2002. – №6. – С. 22-30.
18. Гиляревский Р.С. Что такое информатика? / Р.С.Гиляревский // НТИ. Сер.1. 1989. – №11. – С. 19-21.
19. Гиляревский Р.С. Основы информатики / Р.С.Гиляревский. – М., 1998.
20. Василенко Г.А. Электронная книга (pro и contra): взгляд из Интернета / Г.А.Василенко, Р.С.Гиляревский // НТИ. Сер. 1. – 2001. – №4. – С. 14-23.
21. Шрейдер Ю.А. О семантической теории информации / Ю.А.Шрейдер // Проблемы кибернетики. – М., Наука, 1965. – Вып. 13. – С. 233-240.
22. Шрейдер Ю.А. Информация и метаинформация. / Ю.А.Шрейдер // НТИ. Сер.2. – 1974. – №4. – С. 3-10.
23. Мухелишвили Н.Л. Автокоммуникация, как необходимый компонент коммуникации / Н.Л.Мухелишвили, Ю.А.Шрейдер // НТИ. Сер. 2. – 1987. – №5. – С. 1-10.
24. Шрейдер Ю.А., Полотовская И.Л. Будущее наступает сегодня: (документ как объект библиографоведения) / Ю.А.Шрейдер // Сов. библиография. – 1988. – №1. – С. 28-34.
25. Шрейдер Ю. А. Библиография – объект интереса и предмет познания / Ю.А.Шрейдер // Библиография. 1998. – №2. – С. 48-56.
26. Кулешов С.Г. Документознавство: История. Теоретичні основи / С.Г.Кулешов ; УДНДІАСД, ДАККіМ. – К., 2000. – 161 с.
27. Швецова-Водка Г.М. Документ і книга в системі соціальних комунікацій / Г.М.Швецова. – Рівне, 2001. – 437 с.
28. Швецова Г.М. Документ і книга в системі соціальних комунікацій : автореф... д.і.н. / Г.М.Швецова. – К., 2002.
29. Швецова-Водка Г.Н. Общая теория документа и книги : учеб. пособ. / Г.Н.Швецова-Водка– М. : Рыбари ; К. : Знання, 2009. – 487 с.
30. Плешкевич Е.А. Основы общей теории документа / Е.И.Плешкевич. – Саратов : Научная книга, 2005. – 244 с.
31. Андреев И.Д. Теория как форма организации научного развития / И.Д.Андреев. – М., 1979.
32. Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения / В.Н.Автократов. – М., 2001. – 396 с.
33. Гречихин А.А. Современные проблемы типологии книги / А.А.Гречихин. – Воронеж : изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 248 с.
34. Можаяева Г.В. Информация как историческая категория: к вопросу об информационном источниковедении / Г.В.Можаяева // Роль информации в формировании и развитии социума в историческом прошлом. – М. : ИВИ РАН, 2004. – С. 58-77.
35. Петрушенко Л.А. Взаимосвязь информации и системы / Л.А.Петрушенко // Вопросы философии. – 1969. – №2. – С. 104-114.
36. Ващекин Н.П. Информационная деятельность и мировоззрение / Н.П.Ващекин, Ю.Ф.Абрамов. Иркутск, 1990.
37. Автократов В.Н. О некоторых проблемах архивоведения / В.Н.Автократов // Сов. архивы. – 1976. – №6. – С. 11-24.
38. Дворкина М.Я. И вновь об объекте и предмете библиотекосведения / М.Я.Дворкина // Библиотекосведение. – 2005. – №4. – С. 37-40.
39. Эйнштейн А. Физика и реальность / А. Эйнштейн. – М., 1965.
40. Шрейдер Ю.А. Альтернатива – гибель культуры. Кризис или расцвет? : «Круглый стол» на тему «Современная библиографоведческая парадигма» / Ю.А.Шрейдер // Сов. библиография. 1991. – №3. – С. 39-40.
41. Соколов А.В. Информационный подход к документальной коммуникации : учеб. пособие для студентов библиотеч. фак. / А.В.Соколов ; ЛГИК. – Л., 1988. – 85 с.
42. Соколов А.В. Коммуникационная деятельность и коммуникационные явления / А.В.Соколов // Науч. и техн. б-ки. – 1994. – №8. – С. 3-14; №9. – С. 41-55; №10. – С. 3-14; №11. – С. 43-50.
43. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации / А.В.Соколов. – СПб : изд-во Михайлова В.А., 2002. – 461 с.

44. Столяров Ю.Н. Классификация документа: решения и проблемы / Ю.Н.Столяров // Кн.: Исслед. и материалы. – М., 1995. – Сб. 70. – С. 24-40.
45. Столяров Ю.Н. О соотношении книги с документами, книговедения с документологией / Ю.Н.Столяров // Кн.: Исслед. и материалы. – М., 2001. – Сб. 79. – С. 76-84.
46. Столяров Ю.Н. Документ – понятие конвенциональное (в порядке дискуссии) / Ю.Н.Столяров // Делопроизводство. – 2005. – №3. – С. 11-18.
47. Столяров Ю.Н. Теория относительности документа / Ю.Н.Столяров // Науч. и техн. б-ки. – 2006. – №7. С. 73-78.
48. Кузнецов И.В. Структура физической теории / И.В.Кузнецов // Вопросы философии. – 1967. – № 11. – С. 86-98.
49. Урсул А.Д. Развитие информатики и информатизации общества: вопросы методологии / А.Д.Урсул // НТИ. Сер.1. – 1989. – №1. – С. 2-9.
50. Коршунов О.П. Проблемы общей теории библиографии / О.П.Коршунов. – М., 1975. – 191с.
51. Коршунов О.П. Библиография: теория, методология, методика / О.П.Коршунов. – М., 1986. – 287 с.
52. Справочник библиографа / науч. ред. : А.Н. Ванеев, В.А. Минкина ; 2-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Профессия, 2003. – 560 с.
53. Беспалова Э.К. Библиографоведение: научная и педагогическая практика / Э.К.Беспалова // Библиография. – 2003. – №4. – С. 16-34.
54. Барсук А.И. Развитие книговедческой концепции библиографии / А.И.Барсук // Кн.: исслед. и материалы. – Сб. 42. – 1986. – С. 35-54.
55. Тютюнник В.М. Три десятилетия на стыке библиотековедения и информатики (К 60-летию профессора В.В. Скворцова) / В.М.Тютюнник // НТИ. Сер.1. – 1999. – №12. – С. 35-37.
56. Скворцов В.В. Теоретические основы библиотековедения / В.В.Скворцов. – М. : МГУК, 1996. – 88 с.
57. Столяров Ю.Н. О соотношении книги с документами, книговедения с документологией / Ю.Н.Столяров // Кн. : Исслед. и материалы.– М., 2001. – Сб. 79. – С. 76-84.
58. Столяров Ю.Н. О месте документоведения в системе наук / Ю.Н.Столяров // НТИ. Сер.1. – 2004. – №6. – С. 1-3.
59. Столяров Ю.Н. Зачем документология нужна документоведению и зачем книговедению? Маленькая картинка для выяснения больших вопросов / Ю.Н.Столяров // Науч. и техн. б-ки. – 2006. – №9. – С. 67-73.
60. Баренбаум И.Е. Книговедение и электронная книга / И.Е.Баренбаум // Кн.: исслед. и материалы. – 1999. – Сб. 76. – С. 5-15.
61. Брискман М.А. Советская теория библиографии в 20-30-е годы / М.А.Брискман // Тр. Ленинградского библиотечного ин-та им. Н.А. Крупской. – Л., 1961. – Т. 9. – С. 97-125.
62. Хорхордина Т.И. Открытие В.Н. Автократова (1922-1992) / Т.И.Хорхордина // Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. – М., 2001. – С. 5-22.
63. Митяев К.Г. Документоведение, его задачи и перспективы развития / К.Г.Митяев // Вопр. архивоведения. – 1964. – №2. – С. 27-37.
64. Малитиков А.С. К вопросу о прогнозировании научных исследований в области документоведения и архивоведения / А.С.Малитиков // Сов. архивы. – 1969. – С. 41-46.
65. Хорхордина Т.И. «Неизвестный» Маяковский / Т.И.Хорхордина. – М., 2001. – 96 с.
66. Савин В.А. Архивный фонд Российской Федерации как объект познания. Историографический аспект / В.А.Савин // Отеч. архивы. – 2005. – №2. – С. 21-28.
67. Лиховид Т.Ф. О возможностях создании единой теории библиографии / Т.Ф.Лиховид // Вопросы библиографоведения. Вып.16. Методологические и теоретические проблемы библиографии в контексте новых информационных технологий. – М. : Пашков Дом, 2007. С. 145-150.